A movie poster for 'The Expendables 3'. The central focus is two cryo-chambers. On the left, Jason Statham is lying in a chamber, his body strapped down with metal bands. He has a pained, screaming expression on his face. On the right, Melissa McCarthy is lying in a similar chamber, appearing calm and unconscious. She is wearing a white, form-fitting dress. Between the two chambers, a bright red and blue energy beam or lightning bolt strikes downwards. Above the chambers, a man with grey hair (Dag Born) is leaning over a control panel, looking down at the subjects. Two other men in tactical gear are visible in the background, one on each side, also looking towards the chambers. The overall atmosphere is dark and industrial, with red and blue lighting accents.

Даг Борн

Женоненавистник

Содружество

Даг Борн

Женоненавистник

«Автор»

2026

Борн Д.

Женоненавистник / Д. Борн — «Автор», 2026 — (Содружество)

Марк привык считать женщин слабым полом и не упускал случая продемонстрировать свое превосходство. Пока его не похитили и не продали в рабство. Его насильно заперли в чужом теле. Его прежняя жизнь, сила и мужская уверенность остались в прошлом. Теперь он — товар, который можно купить, продать или сломать. Чтобы выжить в жестокой Галактике, Марку придется понять, каково это — быть слабым, и обрести настоящую силу. А еще — раскрыть заговор, стоящий за похищениями людей на Земле. Кто стоит за работоторговлей? Почему именно его пересадили в это тело? И есть ли путь обратно? Ответы ждут в космосе, где за красивыми фасадами цивилизаций скрывается настоящая тьма. Космоопера со своим уникальным миром, 153 иллюстрации на все ключевые моменты, перестрелки в космосе, на планете и на старциях, постоянный ужас от потери привычного мира.

© Борн Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Бар, двор, трюм	5
Глава 2. Сортировка и доктор Крейн	16
Глава 3. Лира-17	25
Г	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Даг Борн

Женоненавистник

Глава 1. Бар, двор, трюм

Марк любил поздние часы в баре, когда приличная публика уже разошлась, официанты переставали улыбаться, музыка становилась громче, а за столами оставались те, кому домой идти не хотелось или было не к кому. Он сидел спиной к стене, как всегда, потому что так видел вход, стойку, соседние столики и всех, кто смотрел в его сторону. Эту привычку он называл профессиональной, хотя на деле ему просто нравилось держать зал под контролем и первым замечать, кто вошёл, кто отвёл глаза, кто попытался сделать вид, что не смотрит.

На Марке была тёмная рубашка с расстёгнутой верхней пуговицей, дорогие часы без лишнего блеска и выражение лица человека, который уже всех вокруг оценил и решил, что ничего особенного тут нет. В свои тридцать один он выглядел неплохо: спортзал, работа инженером с руками и головой, уверенная походка, крепкие плечи, привычка говорить уверенно. Марк считал это нормой.

За столом с ним сидели Паша, Семён и Артём. Паша был старым знакомым, уже прилично выпившим и поэтому добрым до глупости; Семён был сухим программистом, который пил мало, слушал много и иногда смотрел на Марка так, будто хотел возразить, но не видел смысла; Артёма привёл Паша, и Марк почти сразу понял, что новый парень будет платить за следующий круг, если его правильно поддеть и вовремя назвать своим.

На столе стояли стаканы, остывшие крылья, две пустые бутылки минералки и пепельница, которую никто не убирал, хотя в зале давно не курили. Марк постучал пальцем по стеклу, глянул на официантку у стойки и продолжил мысль, которую развивал уже минут десять, потому что друзья смеялись, а две девушки за соседним столиком раздраженно слушали и этим только подогревали разговор.

- Я вам говорю, мужики сейчас сами себе жизнь усложнили, - сказал Марк, откинувшись на спинку дивана. - Раньше всё было проще: понравилась женщина, подошёл, сказал пару слов и в кровать. Сейчас сначала докажи, что ты не токсичный, потом три дня изображай уважение к её личным границам, потом ещё извинись за то, что вообще родился с яйцами.

Паша хрюкнул в стакан, Артём засмеялся с задержкой, а Семён только поднял глаза.

- Ты понимаешь, что говоришь это довольно громко? - спросил он. - Там люди рядом сидят, если ты вдруг забыл, что бар не твоя кухня.

- Я никого за рукав не тяну, - ответил Марк и специально сказал громче. - Женщины сами хотят внимания, денег и мужика, который решает вопросы, но при этом требуют, чтобы все вокруг делали вид, будто они абсолютно самостоятельные и никому ничего не должны.

Девушки за соседним столиком повернулись. Коротко стриженная посмотрела на него устало, вторая что-то прошептала ей на ухо, и обе отвернулись.

- Вот, пожалуйста, - сказал Марк и поднял стакан. - Уже обиделись, хотя я даже персонально никого не имел в виду.

Паша заржал, Артём поддержал, Семён скривился, но спорить не стал. Марк поймал взгляд официантки, поднял пустой стакан и указал на бутылку за баром. Официантка кивнула без улыбки.

- Видели? - сказал Марк, провожая её взглядом. - Уже третий раз делает лицо, будто я её лично угнетаю. Просто бутылку принеси, чаевые получишь, живи спокойно.

- Ты ей даже заказать нормально не можешь, - сказал Семён. - У тебя каждый заказ получается как проверка на прочность.

- Может, ты правда её достал, - сказал Паша.

- Я? Я вежливый клиент, - ответил Марк. - Просто она привыкла, что вокруг все извиняются за то, что существуют, а я не извиняюсь. Вот и весь криминал.

Такие разговоры Марк любил не потому, что считал их умными. Умными они не были, и он где-то краем головы это понимал. Ему нравилось другое: сказал жёстко, увидел чужое раздражение, услышал смех за своим столом и снова убедился, что зал реагирует на него как надо. Женщин он не ненавидел как врагов; врагов хотя бы приходилось уважать. По его мнению, с женщинами было приятно, пока они не начинали требовать серьёзности, верности, извинений и прочих вещей, которые Марк называл бытовым рэкетом. Он часто заводил такие темы с друзьями, каждый раз разные, друзья смеялись его крепким выражениям и отвечали ему такими же.

В двадцать два года он заметил, что если смотреть внимательно, молчать на секунду дольше и говорить уверенно, то многие сами дорисовывают в тебе глубину, нежность, надёжность и прочие качества, которыми можно пользоваться, не особенно их имея. К двадцати пяти он научился входить в чужую жизнь так, будто делает одолжение, к двадцати восьми - уходить без объяснений, а к тридцати - рассказывать друзьям, что взрослые люди сами выбирают, во что ввязываются, и если потом плачут, то это уже не его проблема.

Официантка принесла бутылку. Марк выдержал паузу, посмотрел ей в лицо и сказал:

- Спасибо, красавица.

Она поставила бутылку на стол, посмотрела на него спокойно и не убрала руку со стекла.

- У нас не принято так обращаться к персоналу, - сказала она. - Если хотите заказать ещё что-то, называйте позицию из меню, а не меня.

Паша застыл с вилкой, Артём уткнулся в телефон, а Марк улыбнулся шире, потому что сопротивление девушки всегда его бодрило.

- А если это комплимент?

- Тогда оставьте его при себе, - сказала она и ушла.

Паша выдохнул и покачал головой.

- Жёстко она тебя приложила, брат.

- Да ладно, - отмахнулся Марк. - Сейчас вернётся, улыбнётся и будет ждать чаевые, потому что границы границами, а деньги любят все.

- Зачем ты вообще нарываешься? - спросил Семён. - Ты же не пьяный настолько, чтобы не понимать, что просто хамишь человеку на работе.

- Я людей проверяю, - ответил Марк. - Иначе как узнать, кто перед тобой? Девочка выучила слово "границы" и решила, что стала сильнее, а на деле просто научилась делать важное лицо.

- А может, она просто не хочет, чтобы каждый второй называл её красавицей, пока она таскает ему бутылки, - сказал Семён.

- Тогда ей не повезло с профессией, - сказал Марк. - В баре люди говорят, пьют и иногда несут ерунду. Кто от этого ломается, тому лучше в архив.

Телефон на столе завибрировал. Сообщение было от Насти: "Ты где?" Марк посмотрел на экран и положил телефон лицом вниз.

- Кто? - спросил Артём.

- Никто.

Паша наклонился ближе.

- Это не та ли Настя, с которой ты уже почти живёшь, но всем рассказываешь, что свободный охотник? - спросил он. - Я просто уточняю, чтобы понимать, кому завтра врать, если она начнёт тебя искать.

- Не надо никому врать, - сказал Марк. - Если женщина пишет "ты где" после часа ночи, она не интересуется географией, она заранее начинает допрос.

- Ты ей обещал приехать? - спросил Семён.

- Я много чего обещал за жизнь, - сказал Марк. - Не все обещания обязаны получать финансирование.

Семён посмотрел на него устало.

- Ты вообще кого-нибудь любил, Марк? По-человечески, без проверок, дрессуры и своих вечных игр?

Вопрос прозвучал некстати. Марк мог пошутить сразу, но алкоголь и поздний час растянули паузу. Он увидел в тёмном стекле за спиной Семёна своё отражение: красивое лицо, прищур, рот, который уже собирался сказать какую-нибудь гадость.

- Себя, - сказал он наконец. - Надёжнее всего.

Паша засмеялся с облегчением, Артём тоже, а Семён не стал. Телефон снова завибрировал: "Марк, я серьёзно. Ты обещал приехать". Марк вздохнул, заблокировал экран и встал.

- Пойду покурую.

- Ты же бросил, - сказал Семён.

- Я многое бросил.

- Например?

- Надежду на человечество.

Он взял сигареты с подоконника у стойки, потому что свои не покупал уже месяц и поэтому мог честно говорить, что почти не курит. У входа пришлось обойти охранника, который разбирался с парнем в спортивной куртке. Марк не вмешался. Своих он выбирал сам.

На улице было прохладно. Бар стоял во дворе старого дома: арка, облупленные стены, кондиционеры, провода, мусорные баки и чёрный ход с дрожащим фонарём над дверью. Воздух пах мокрым асфальтом, табаком, мусором и речной сыростью. Марк прикурил, затянулся, достал телефон и увидел новое сообщение от Насти: "Ты опять делаешь вид, что меня нет?"

Он набрал "Не начинай", стёр, набрал "С друзьями. Завтра поговорим" и отправил. Ответ пришёл почти сразу: "Ты всегда так делаешь". Марк усмехнулся, потому что в этом была вся Настя: три слова, и уже суд. Он хотел написать что-нибудь про взрослые отношения, отсутствие договора и то, что нельзя требовать верности там, где никто ничего не обещал, но не успел.

* * *

Фонарь над чёрным ходом погас. Окна дома продолжали гореть, вывеска бара светилась в арке, телефон в руке работал, но в верхнем углу экрана пропали связь, вай-фай и даже значок

геолокации. Марк сначала решил, что это глушилка. В кино такие штуки показывали у спецназа: подъехала машина, включила помехи, телефоны потеряли связь. Только машины во дворе не было, арка пустовала, а на мокром асфальте возле мусорных баков появилась дрожь, как над раскалённой крышей летом. Дрожь держалась ровным прямоугольником, неестественно ровным для воздуха.

Звук тоже не пропал сам по себе. Он стал глухим и неправильным, как в плотных строительных наушниках. Музыка из бара превратилась в бубнение за стеной, шум машин за аркой пропал, зато внутри ушей неприятно давило. Марк услышал собственное дыхание очень громко и понял, что он не оглох, ему скорее будто надели наушники с шумоподавлением. Он хотел шагнуть к двери, но правая нога отказалась подниматься: в бок ударило коротким уколом, не больно, а точно, как электрошокером через куртку. Мышцы свело разом. Колено застыло, пальцы на руке разжались, сигарета упала в лужу, телефон выскользнул и ударился о плитку экраном вниз. Марк не упал только потому, что тело застыло в той позе, в которой его застал импульс.

Воздух перед ним будто пошёл дымкой. Из дрожащего прямоугольника вышли трое. По краям их силуэтов ещё мелькали куски двора: кирпич, бак, мокрый асфальт, жёлтый свет из окна. Потом картинка приобрела чёткость и стали видны серые костюмы с жёсткими пластинами, шлемы без открытых лиц и короткие устройства на запястьях. Марк смотрел на них и пытался понять, кому он задолжал настолько, что на него натравили таких ребят.

Один из похитителей поднял руку и направил на Марка плоский прибор. На нём горели две шкалы: зелёная и красная. Стрелка прибора переместилась на край зелёной шкалы.

Второй похититель присел рядом с телефоном. Тонкий манипулятор выдвинулся из его перчатки, подцепил аппарат, развернул экраном вверх и на секунду подсветил камеру. Марк увидел на стекле своё отражение: перекошенный рот, неподвижная рука, сигаретный дым возле щёки. Затем похититель раздавил телефон маленьким прессом на ладони. Не разбил, а сжал в аккуратный чёрный блин и бросил в контейнер на поясе.

Третий пошёл к камере над чёрным входом. Он не ломал её. Просто приклеил к корпусу серую таблетку. Красный огонёк камеры мигнул, потом снова загорелся. Марк понял и это: камера теперь показывала старую картинку, пустой двор, чёрный ход, мусорные баки и никого посередине.

Дверь бара открылась.

Изнутри вышел охранник, тот самый, который десять минут назад спорил с парнем в спортивной куртке. Он высунулся во двор, посмотрел прямо туда, где стоял Марк, и не увидел его. Между ними висела тонкая прозрачная плёнка. С этой стороны Марк видел охранника, дверь и полоску света. С той стороны, видимо, был пустой двор и мокрый асфальт.

Марк попытался хотя бы хрипнуть. Получилось только дёрнуть горлом. Охранник поморщился от слабого писка, огляделся, закрыл дверь и ушёл обратно. Дверь закрылась, и музыка снова стала глухой.

Похитители работали спокойно. Один проверил маленьким сканером шею, глаза, грудь и ладони Марка. Второй приложил к его виску холодную пластину. На приборе замелькали столбцы, похожие на медицинские графики. Никакого чтения мыслей Марк не почувствовал; было только мерзкое покалывание в зубах и вспышки перед глазами, как после удара током.

Над двором что-то бесшумно сдвинулось.

Марк поднять голову не мог, но увидел отражение в луже: над ним висело тёмное днище небольшой машины, похожей на плоский фургон без колёс. Она не редела, не светила прожекторами и не шевелила воздух так, как должен был шевелить вертолёт. Только дождь вокруг неё шёл странно: капли огибали невидимый корпус и стекали вниз по пустому месту.

Корабль опустился перед баром и раскрыл шлюз. Марка грубо схватили за руки и ноги и потащили внутрь.

Внутри машины пахло холодным металлом, пластиком и антисептиком. Створка шлюза закрылась, и звуки города исчезли окончательно. На стене горели строки незнакомых знаков. Марк не понимал языка, но картинки понимал отлично. Его приняли как груз, закрепили как груз и проверяли как груз.

На шее защёлкнулся тонкий обруч и плотно присосался к коже. Потом в предплечье вошла игла. Марк увидел, как один из похитителей ставит отметку в планшете. На его голову опустили небольшой обруч и включили с тихим щёлчком. Мышцы свело, и в течение следующих десяти минут его черепушку будто кто-то щекотал изнутри тонким пёрышком. Вокруг него в том же положении валялись тела других людей разных полов и возрастов. В конце процедуры Марк отрубился, из его носа потекла капля крови.

Когда пытка пером закончилась, обруч сняли. Его снова схватили под руки и бросили в огромную клетку вместе с другими похищенными.

* * *

Марк пришёл в себя. Горло было сухое, затылок гудел, руки затекли, спина и бедра мёрзли от жёсткого металлического пола. В воздухе стояли запахи пота, рвоты, мокрой одежды, антисептика. Где-то рядом кто-то плакал уже без сил, другой голос повторял молитву, третий ругался матом без остановки, потому что больше ничего не мог придумать.

Он попытался сесть, шею прострелило болью, перед глазами поплыли пятна, и его вывернуло сухим спазмом. Рядом сидел мужчина лет пятидесяти в домашней футболке и спортивных штанах, на ногах у него были разные носки, а на шее чернел тонкий обруч.

Марк коснулся собственной шеи и нашёл такой же обруч: тонкий, тёплый, прилегающий к коже идеально. Он попытался подцепить край ногтем, внутри что-то кольнуло, и пальцы сами разжались.

- Не дёргай ошейник, - сказал мужчина. - Чем больше дёргаешь, тем больше он бьёт. От этой штуки так просто не избавишься, как приросла.

Марк огляделся: они были в огромной клетке стоящей внутри не менее огромного помещения. В потолке горел приглушённый свет. У дальнего конца клетки не было решётки, но проход был лишь внутри двух больших столбов. Людей было почти сотня: мужчины, женщины, двое подростков, пожилая женщина в халате, курьер, девушка в блестящем платье, бородатый мужик в трусах и зимней куртке, парень в форме городского такси. Все были с обручами.

- Где мы? - спросил Марк.

- Если узнаешь, скажи, - ответил мужчина с разными носками.

Марк вскочил, пол качнулся, он удержался за край низкого блока и только тогда понял, что часов нет, телефон, ключи и бумажник исчезли, а на предплечье темнеет маленькая круглая метка, похожая на след от ожога. Где-то за стенами и в динамиках звучал чужой язык, жёсткий, быстрый, с гортанными окончаниями, и мозг понимал его без перевода, словно язык уже лежал внутри и его просто включили.

- Кто это сделал? - спросил он.

Мужчина криво усмехнулся.

- Тут версии разные. Спецслужбы уже было, НАТО было, китайцы были, масоны были. Инопланетян тоже называли, но за это пока бьют по морде, потому что всем и без того паршиво.

Марк вспомнил двор, тонкую фигуру, дрожащую дымку и шлюз, в который его вносят. Сказал "бред" и отвернулся, хотя сам понимал: других объяснений у него нет. Слева закричал молодой парень в майке. Он бил кулаком по стене и требовал выпустить их. На четвёртом ударе его обруч вспыхнул красным, парень рухнул на пол, несколько секунд дёргался и потом остался лежать с открытыми глазами, живой, но обездвиженный. Двое мужчин дёрнулись к нему и остановились, когда их обручи мигнули тем же цветом.

В трюме сразу стало тише.

Марк заставил себя думать. Ошейник был не украшением, а средством контроля: боль, паралич, может быть, смерть. Значит, есть правила, а где есть правила, там есть слабые места. Он оглядел трюм повнимательнее, увидел над большой переборкой служебную табличку и прочёл чужие знаки так же легко, как родные: "Грузовой борт: Чёрная бирка. Трюм 3. Живой груз". Само название корабля ему ничего не сказало, но слова "живой груз" насторожили.

В дальнем углу спорила группа мужчин. Возле них стояли две женщины, но говорили в основном мужчины, и Марк почти обрадовался этой обычной с виду компании. По пути к ней его остановила темноволосая девушка лет двадцати пяти с разбитой губой. Она сидела на полу рядом с другой девушкой, совсем молодой, и подняла на него глаза.

- Я Аня. Вы не видели парня в синей куртке? - спросила она. - Его зовут Игорь, мы вместе вышли из метро, потом меня дёрнули за руку, и дальше я уже очнулась здесь. Он высокий, тёмный, на левой руке татуировка с птицей.

- Я тут справочное бюро? - ответил Марк. - У меня своих чудес на сегодня выше крыши. Девушка моргнула, будто он ударил её не сильно, но неожиданно.

- Я просто спрашиваю, - сказала она. - Если вы его видели, скажите. Если нет, так и скажите, без этого вашего цирка.

- Все тут кого-то ищут, - сказал Марк. - Телефоны у всех забрали, двери закрыты, на шее железо, а вы начинаете лезть со своими вопросами.

- Значит, не видели?

- Нет.

Он пошёл дальше, а за спиной услышал тихое:

- Козёл.

Марк обернулся, почти обрадовавшись обычной человеческой грубости.

- Слушай, ситуация тут немного сложнее твоего пропавшего парня, - начал он. - Если хочешь выжить, прекращай...

Обруч на шее нагрелся предупреждением. Марк замолчал на половине фразы, и девушка увидела это. В её лице тоже появилась новая мысль: за ними не просто наблюдают, их всегда готовы осадить.

У стены подняла голову девушка в серебристом коротком платье с потекшим макияжем.

- Это не люди, - сказала она. - Я руку видела, когда меня тащили. Там пальцы не туда гнулись, понимаете? Не как у человека.

- Ты руку видела? - спросил таксист у стены. - Seriously? Тебя похищали, а ты анатомию рассматривала?

- Меня не в мешке тащили, - огрызнулась девушка. - И вообще, если ты такой смелый, иди дверь открой, герой.

- Я не герой, я Сашка, - сказал таксист. - И я уже три раза смотрел эту дверь. Там поле, ток или ещё какая-то дрянь. Кто лезет, того отбрасывает.

- Лера, - сказала девушка в серебристом платье, будто только сейчас вспомнила, что у неё есть имя. - Меня Лера зовут.

Пожилая женщина рядом с подростками подняла ладонь, чтобы их не перекрикивали.

- Имена сейчас важны, - сказала она. - Пока человек помнит, как его зовут, личность, которую не сломали. Меня зовут Татьяна, я учительница, и если кто-то сейчас начнёт орать просто ради ора, я лично попрошу его сесть и помолчать.

- У нас тут клуб знакомств открылся? - усмехнулся Марк.

Темноволосая девушка, та самая с пропавшим парнем, подняла глаза.

- А ты можешь хоть минуту не хамить?

- Могу, когда люди начинают думать, а не устраивать кружок психологической поддержки.

- Думают тут все, - сказала Татьяна. - Просто не все показывают, что думают. Ты вот подумал и что, уже понял как выбраться?

Марк хотел ответить, но обруч снова нагрелся. Он запомнил: обычные разговоры тоже анализируют и агрессию подавляют в зародыше. Марк пошёл дальше к группе больших здоровых мужчин. Они уже спорили про военных, бункер, эксперимент и заложников. Человек в костюме, Пётр, держался так, будто даже в трюме хотел остаться начальником отдела.

- Я насчитал девяносто шесть человек, - сказал он. - Если это захват заложников, они обязаны выйти на переговоры, потому что без этого их требования никто не услышит.

- Какие требования, начальник? - спросил бритый с татуировкой на шее - Рудый. - Ты дверь видел? Я троих видел, которых оттуда отбросило. Там поле стоит, ток или ещё что, и твои переговоры ему до лампочки.

- Окон нет, - сказал Сашка, присев у стены и растирая шею под обручем. - Значит, либо бункер, либо корабль, либо хрен знает что. Только пол под нами гудит, и мне это не нравится.

- Еда есть? Вода? Камеры? - спросил Марк. - Кто-нибудь видел охрану не через стекло, а рядом? Кто-нибудь понял, как часто они открывают дверь?

- Ты кто такой, чтобы всех опрашивать? - буркнул бритый.

- Тот, кто хотя бы вопросы задаёт по делу, - ответил Марк. - Если будем просто орать, нас будут держать как стадо в загоне.

Он посмотрел на потолок и решил, что надо говорить с теми, кто держит двери. Он вышел на свободное место между группами, поднял голову и крикнул:

- Эй! Кто бы вы ни были, нам нужен представитель. Вода, медицинская помощь и объяснения. Здесь гражданские люди. Если вам нужны переговоры, я готов говорить. Меня зовут Марк, я инженер. Если вы будете держать сотню людей без воды и информации, начнётся паника, травмы и смерть, а это невыгодно никому.

Слово "невыгодно" он произнёс специально. С похитителями, решил он, не говорят о морали, с ними говорят о цене освобождения. Из-под потолка раздался машинный голос:

- Искин модели КосмосАИ на связи, вы можете говорить.

Марк сглотнул.

- Кто вы такие? - спросил он. - Где мы, куда нас везут?

Голос из потолка отвечал коротко и бесстрастно:

- Запрос на информацию передан, ожидайте.

- Ты можешь позвать старшего, тупая железяка? - вспыхнул Марк.

- Субъект М-31 выбран для предварительного контакта.

Дверь напротив выхода из клетки раскрылась. Первыми вошли двое пиратов. Один был человек с бритым черепом, золотым зубом, ожоговой полосой через щёку, разгрузкой на груди, ножом, коротким парализатором и грязной кружкой на карабине. Второй был высоким утон-

чёрным длинноволосым мужчиной с красивым лицом, острыми ушами, торчащими выше головы и холодными глазами; он жевал что-то синее и сразу начал с презрением оглядывать публику. За ними вошёл двухметровый бугай в чёрной броне. Он двигался удивительно легко для своей комплекции. Его лицо было каменным и безэмоциональным.

- Тихо, мясо, - сказал золотозубый на языке Содружества. - Кто дёрнется, тому ошейник мозги вскипятит. Мне потом списывать порчу, а я бумажки ненавижу.

Высокий ушастик, которого Марк окрестил аграфом, ткнул пальцем в плачущую женщину.

- Эту успокоить, - сказал он. - Не дать ей сорвать голос и испортить лицо.

Парень в майке дёрнулся было наперерез, но тут же упал не в силах подняться. Золотозубый наступил ему на кисть до хруста, даже не глядя вниз.

- Руки убрал, герой, - сказал он.

- Голову не трогай, - лениво сказал аграф. - Если у него выйдет метка на пересадку, твоя привычка хрустеть костями дорого обойдётся.

- Да понял я, - буркнул золотозубый. - Вечно вам головы подавай целые, будто вы их потом на полку ставите.

* * *

Потом вошёл новый похититель. Он выглядел почти нормальным: высокий мужчина лет сорока пяти, седой у висков, в тёмной форме без знаков, с лицом врача или профессора, который давно привык объяснять другим, почему он прав. Глаза у него были спокойные и безразличные. Кто-то в трюме прошептал "Господи".

- Меня зовут Сайлас Крейн. Вы хотели представителя? - спросил он.

Марк заставил себя смотреть ему в глаза.

- Вы похитили нас?

- Я вас не похищал.

- Значит нас похитили ваши люди. Вы кто и по какому праву так поступаете.

- Я действую по самому первому и важному праву - по праву сильного, - ответил Крейн.

Человек в костюме шагнул вперёд и поднял руку, будто хотел выступить на совещании.

- Мы граждане нашей страны, - выкрикнул он. - Это похищение людей и международное преступление. Вы обязаны назвать себя и предоставить связь с консульскими службами.

Крейн даже не раздражился.

- Ваши законы и права остались внизу, здесь вы находитесь в качестве пленников и впоследствии долговых рабов, на свою судьбу повлиять не сможете, - сказал он.

- Вы хотите, чтобы мы поверили в инопланетян? - спросил Марк. - В эту дешёвую постановку и ребёнок не поверит.

Крейн посмотрел на широкого охранника.

- Борр, сними маскировку на пять секунд. Пусть земляне посмотрят, какие мы тут декорации им устраиваем.

Большой охранник щёлкнул переключатель на броне. Марево, закрывавшее его лицо, исчезло. Под ним оказалось абсолютно лысое лицо с зелёной кожей, пухлыми складками кожи и глубоко посаженными глазами. Появились клыки, а сама челюсть выдвинулась вперёд и стала мощнее, ноздри сильно расширились. Из-под пластин брони стали проглядывать канаты мышц. Марк вдруг бессмысленно подумал, что Паша сейчас сказал бы "ну точно орк".

Щёлчок, и фильтр вернулся. Несколько человек закричали, кто-то упал на колени, бритый дёрнулся вперёд и рухнул от ошейника. Крейн дождался, пока крики стихнут.

- Продолжим разговор. Вы для нас дорогой ресурс, или товар, называйте как хотите. Поэтому запрещено портить себя и друг друга, по крайней мере до этапа сортировки. За это будет наказание.

- Мы не товар, - сказал Марк.

Крейн слабо улыбнулся.

- Все так говорят в начале. Потом читают рабский договор и до них многое доходит. Правда, земляне договор обычно не читают, зато как работает ошейник они понимают быстро.

Марк шагнул вперёд, обруч обжёг шею, но не ударил, и он использовал этот один шаг как маленькую победу.

- Если вам нужен порядок, говорите со мной. Дайте воду, оставьте раненых, объясните правила, и я помогу удержать людей, пока вы занимаетесь своим делом.

За спиной кто-то возмутился, но Марк не обернулся. Крейн смотрел внимательно.

- Предлагаете сотрудничество?

- Предлагаю разумный вариант.

- За что? Вам то чего нужно ?

- За лучшие условия содержания для меня и смену статуса с товара на торговца товаром или по крайней мере свободного человека.

За спиной стало тихо. Люди поняли, что Марк не просто хочет говорить с похитителями, а уже торгуется за себя. Темноволосая девушка, Аня, как он теперь вспомнил, вышла на шаг вперёд.

- Ты сейчас серьёзно? - спросила она. - Нас похитили, надели ошейники, назвали живым грузом, а ты уже просишь себе условия получше?

- Я пытаюсь сделать так, чтобы нас всех не перебили, - ответил Марк, даже не оборачиваясь к ней полностью. - Если ты знаешь способ лучше, самое время его показать.

- Ты шкуру свою спасаешь, - выпалила Аня. - Да, для начала можно не помогать тем, кто держит нас в клетке.

Марк усмехнулся и ударил по её больному месту:

- А ты предлагаешь плакать и ждать, пока твой парень сам найдётся?

Крейн поднял руку, обручи у Марка и Ани вспыхнули теплом, и спор оборвался.

- Ты интересный, Марк, - сказал доктор. - Не умный, именно интересный. Громкий, самоуверенный, тебя только с Земли забрали, а ты уже готов торговать своими соплеменниками. Мне такие нравятся.

Марк не понял последней фразы, но она ему понравилась.

* * *

Крейн велел забрать Марка на предварительное обследование. Два охранника вошли в клетку. Аня стояла у стены. В её глазах не было жалости, и это задело сильнее, чем если бы она плакала.

- Ты хотел поговорить первым, - сказала она тихо.

Санитары взяли его под руки и повели к светлому коридору. Перед проёмом он успел обернуться: почти сотня людей смотрела на него из серого трюма, испуганные, злые, живые. Марк сам вышел из общей клетки и встал ближе к тем, кто идёт напролом и просто берёт что хочет. Эта мысль кольнула неприятно, но он всё равно пошёл дальше. В коридоре пахло холодом и антисептиком. Крейн шёл впереди.

- Доктор, - выдавил Марк.

Крейн остановился.

- Что вы со мной сделаете?

Доктор посмотрел на него спокойно и неприятно, будто ответ у него уже был готов.

- Покажу как работает наш бизнес, чтобы ты смог решить, нужно тебе это или нет.

Глава 2. Сортировка и доктор Крейн

Коридор за трюмом был стерильно чист, и Марк поймал себя на мысли, что ждал совсем другого: грязи, ржавчины, крови на полу, грубых решеток, чего-то понятного, где похитители хотя бы выглядят как похитители. Здесь стены были собраны из матовых панелей без болтов, под полупрозрачным покрытием бежали зелёные точки диагностики, у замков мигали красные метки, вдоль пола шла синяя линия охлаждения, а воздух пах антисептиком, озоном и чем-то сладким, медицинским, от чего живот неприятно сжимался.

Санитары держали Марка под руки. Они были выше людей почти на голову, пальцы у них лежали на его предплечьях без видимого усилия, но вырваться не получалось. Он пробовал менять шаг, переносить вес, дергать плечом, но всякий раз оказывалось, что его уже держат там, куда он только собирался двинуться. Борр шёл сзади, тяжёлый и спокойный, и каждый его шаг отдавался у Марка в спине. Марк был в лёгком недоумении: Крейн вроде говорил с ним как с будущим партнёром, но всё равно вёл под охраной. Наверное, доктор проверял, не попытается ли новый стажёр вырваться, перебить охрану и вытащить всех на волю. Глядя на Борра, Марк понимал, что даже боксёр-тяжеловес рядом с ним выглядел бы смельчаком на один удар.

Крейн шёл впереди и не торопился.

- Вы сказали "за пределами планеты", - сказал Марк.

- Я сказал именно это, - ответил Крейн. - Обычно в этот момент люди молятся, матерятся или теряют сознание, а вы решили устроить уточнение терминов. Земля, смотрю, ещё выпускает зануд.

- Это корабль?

- Корабль, Марк. Не подвал спецслужб, не богатый розыгрыш и не дурной сон после бара.

- Космический?

Крейн повернул голову вполоборота.

- Космический. Если следующим вопросом будет "а космос настоящий?", попрошу Борра приложить вас носом к окну. Для наглядности.

Марк хотел ответить, но не нашёл ничего остроумного. Они прошли мимо длинного смотрового окна, за которым землян вели цепочками по восемь-десять человек. Люди спотыкались, держались друг за друга, пытались не смотреть на охранников. На груди у каждого болталась жёсткая табличка с номером, цветной полосой и мелким служебным текстом. Это был учёт, сортировка и инвентаризация живых людей.

Одного мужчину отделили от группы. Он закричал и схватился за женщину рядом. Ошейник вспыхнул, мужчина рухнул, женщина тоже упала на колени, потому что не успела отпустить его руку. Санитар подхватил её за ворот и без злости вернул в строй, будто это была самая обычная работа на смене.

За другим стеклом двое пиратов спорили у рабочего экрана. Их жаргон Марк понимал с трудом.

- Этот в поле не годится, суставы старые. В танковую платформу его, пусть башню таскает.

- Платформа дороже, чем он.

- Тогда в донорский резерв. Девку в домашние: лицо простовато, зато покорная.

- Покорная стоит меньше. Ну да ладно, хоть возьмут быстро.

- Курьера в десантную заготовку. Молодой, реакция хорошая.

- Если мозг не поплывет. Земляне потом орут про маму, богов и права.

- Ограничители поставим. По своим стрелять не сможет, по Архам - сколько угодно.

На краю экрана мигала строка маршрута. Марк успел прочесть обрывки: "Нергал", "разгрузка партии", "Слепой причал", "ремонтный заход после продажи". Он не знал, что такое

Слепой причал, станция это, база или пиратская стоянка, но запомнил название, потому что в будущем всё могло пригодиться.

- Что вы с ними делаете? - спросил Марк.

- Сортируем, - сказал Крейн. - Слово неприятное, будто на складе овощей, зато пираты любят точность формулировок вместо бюрократии.

- По какому признаку?

- К тому к какой работе они пригодны в будущем. Поле, дом, постель, армия, донорская банка, железная платформа. Не кривитесь, я не создавал этот рынок, я только поставляю на него высококласный товар.

Марк дёрнулся так резко, что пальцы санитаров впились в руки.

- Вы говорите о людях.

- Раньше я говорил "выборка без реестра", но к счастью давно бросил работу в местах, где требуется одно слово расписывать на десять, - ответил Крейн. - Потом пожил с пиратами и вылечился от красивых слов.

- Это рабство?

Крейн остановился, и все остановились вместе с ним.

- Рабство - слово для лозунга об отмене рабства. В Содружестве говорят иначе: контракт, долг, право владения, временная биологическая опека. Сменили название, но оставили суть.

- Какой долг?

- Тут всё зависит от цены раба. Если его просто помыли и одели, то не такой большой. Если его пересадили в шагающую платформу и настроили ограничители огня, то нехилый. Ведь это мы о нём позаботились.

- Но кто пойдёт на такое? Все же выберут первый вариант

- А это уже не они решают, - рассмеялся Крейн. - Но даже маленький долг в рабстве может стать большим, поводов оштрафовать не придумывает лишь глупый хозяин.

- Раб же что-то зарабатывает?

Крейн коротко рассмеялся.

- Мизер, чтобы закон не морщился. Потом из этого мизера вычтут жильё, еду, медицину, обучение, штрафы, одежду и воздух, если бухгалтеру скучно. Долг уменьшается так медленно, что человек успевает смириться раньше, чем видит конец.

Марк сжал кулаки. Ударить было нельзя, бежать было некуда, кричать бесполезно, но одна мысль всё же осталась рабочей: если с ним разговаривают, значит, его ещё не списали в общий ряд. Он надеялся, что если ему всё это рассказывают, то неспроста и участь раба ему уже не грозит.

* * *

Шлюз впереди открылся, четыре сегмента ушли по магнитным направляющим, фиксаторы сухо щёлкнули, и за проёмом оказался не операционный зал, а узкий кабинет диагностики. Здесь было меньше белого света и следов активной ежедневной работы: металлический стол с царапинами, шкафы с контейнерами, стойка с парализаторами, кружка с тёмным налетом и кресло у стены. В левый подлокотник кресла был встроен полупрозрачный рукав до локтя, похожий на земной аппарат для забора крови, только явно не земной.

На стене работал экран с медицинской схемой человеческого мозга. Это была не картинка из учебника, а живая карта: точки активности вспыхивали слоями, линии связей включались и гасли, срезы расходились и сходились.

- Садитесь, переговорщик, Левую руку в рукав, - сказал Крейн.

- Зачем?

- Забор ДНК носителя. Без него в Содружестве не делается ничего, все договора подписываются ДНК-меткой. Даже если вы не гражданин.

На внутренней поверхности аппарата горели мелкие знаки: носитель, подтверждение, биологическое право, однократная запись. Марк наклонился, пытаясь прочесть, но Крейн тут же коснулся сенсора, и экран с мозгом вспыхнул ярче, отвлекая взгляд.

- Тут что-то про подтверждение, - сказал Марк.

- Конечно. Аппарат старый, законопослушный и занудный. Спрашивает у тела, можно ли трогать его ДНК. Трогательно, особенно когда вокруг пираты. Но снять ограничители мы, увы, не в состоянии, такие технологии доступны лишь аграфским учёным и они монополизировали рынок.

Марк сунул руку в рукав. Он мог отказаться, но не знал, чем это закончится, и не хотел выглядеть трусом перед Крейном, санитаром и орком.

Аппарат мягко сжал предплечье, внутри кольнули десятки тонких игл, не больно, но гадко. Сбоку мелькнула какая-то строка под ней на экране появилось окно с большими кнопками "Подтвердить" и "Отказаться". Но Крейн сразу закрыл это окно развернутой картой звездных систем Содружества, которую можно было разглядывать много часов.

- Хотели лекцию, Марк? - сказал Крейн, выходя на середину кабинета. - Получите.

Крейн снял с рукава салфетку, аккуратно сложил и бросил в утилизатор.

- Мы открыли Землю более двухсот лет назад и для нас она лишь один из миров. Но из-за постоянных войн мы не уделяли им внимания. Пока не натолкнулись в космосе на расу головастиков. Они были так умны и рассудительны, что сразу сумели не только помирить различные королевства людей, аграфов и орков, но и объединить их в одно большое звездное государство - Содружество. Действительно, а чего воевать то? В космосе бесконечно много ресурсов и энергии, бери и пользуйся. Мы и взяли и пользуемся. Но знаете чего в космосе нет?

- Совести, - пошутил Марк.

- Нет, разума, - улыбнулся Крейн. - Мы можем собрать любые машины, андроида неотличимого от человека, боевую платформу, комбайн для поля, космический корабль, посадить в них искины, которые будут принимать решения - абсолютно точные и надёжные. Но это не будет разум, любой разумный отличит его через некоторое время. Но проблема даже не в этом. Разум - это прежде всего творчество, чувства, эмоции, уникальный опыт живого существа, который, сложившись, может принести что-то новое в наш мир. Искин тоже новое придумывает, только это новое скорее комбинация старого. И знаете что, мы уже все такие комбинации старого давно перебрали - и ничего нового там не нашли!

- Вы деградируете?

- Сам ты деградируешь, - обиженно буркнул Крейн, - Тогда мы повернули взоры на закрытые миры и поняли - они наша самая большая ценность, потому что развиваются не как мы, а рядом, совершают другие ошибки и создают то же, что и мы раньше, но по-другому. Мы немедленно закрыли их от вмешательства.

- Почему же вы похитили нас, если мы такая ценность?

Крейн расхохотался:

- Лично вы и те, кто с вами сейчас, никакой особой ценности для развития вашего мира не представляете - мы проверили. Нам разрешили брать немного аборигенов для экспериментов. Но для получения разрешения в Содруестве нужно представлять план исследований и прочую возню с бумагой, нам интересно не это. Разум это ещё и ходовой товар. Граждане Содруества в долговое рабство попадают крайне редко, организовать у них извлечение и использование разума - почти невозможно. Разум на рынке востребован гораздо больше, чем его есть на деле. Поэтому появились мы.

- Бизнесмены с большой дороги блин.

- Абсолютно верно, но с большого космоса. Вы не представляете сколько стоит удачно сформированный из разума товар. Шагающий танк с хорошим бойцом может в одиночку зачищать от архов целые города. Скучающие жители Содруества всегда готовы взять аборигенок для своих домов. А в публичные дома - для других целей, сами знаете для каких. Что до детей - долг раба распространяется на детей тоже. Поэтому женщины репродуктивного возраста всегда востребованы. На них раньше создавали целые предприятия рабов, пока головастики лавку не прикрыли и не ограничили их количество до трёх и глубину наследования долга до прямых потомков.

- Вы что, похищаете землян потому что у вас мужиков и девок ублажать некому? - приснул Марк.

- Вы не поняли, у нас ценится не оболочка или, скажем, не просто оболочка, а те живые эмоции, которые она проявляет. Гнев, страсть, искренность, гордость, любовь. За такое готовы платить и немало. Чего вы ждёте от общества, где ресурсов хватает на всех, у нас просто можно выжить ничего не делая вообще. Головастики поняли про людей главное - все хотят править, пусть даже одним или двумя рабами, и не роботами, а другими людьми. Поэтому и создали законы, которые это позволяют им делать. Но в эти самые рабы никто идти почему-то не хочет.

- Понятно, ленивые жирные коты, съевшие свою сметану и заглядывающиеся на чужую.
- Если вам так понятнее, то да.

- А почему нужно обязательно хватать случайных людей с улицы? Берите тех кто не прочь хоть как-то изменить свою жизнь: тяжело больных, полностью парализованных, сильно пожилых. Если бы вы просто подали объявление о том, что у них есть выход, то у вас бы очередь выстроилась, только успевай сортировать.

Крейн вздохнул:

- Всяких берём, Марк. Конечно найти добровольца, который, скорее всего, готов на грязную работу в космосе, на закрытых мирах не проблема. Но подать объявление в газету мы просто не можем - мир всё-таки закрытый и нас быстро найдут головастики или наши же службы. Просто зайти в учреждение, где у людей уже нет надежды на будущее мы пробовали раньше. Кого-то забирали, кто-то отказывался. Поползли слухи и нас опять начали искать и перехватывать головастики, лавку пришлось прикрыть. Да и нужный объём поставок это не обеспечивало.

Экран под картой Содружества тихо пискнул. Марк настороженно убрал его и уставился в экран. На нём горела надпись "Время ожидания ответа истекло, выбран вариант по-умолчанию: Принимаю".

- А можно узнать что я принимаю? - удивленно спросил Марк.

- Ах это, ничего особенного, вас просто зарегистрировали в базе данных Содружества как гражданина с планеты закрытого типа.

- Понятно, - ответил Марк, но сам понял, его только что с чем-то накололи, и накололи красиво.

- Когда мне снимут ошейник? - спросил Марк

- Когда станете тем, кому доверяют прикрыть спину, - сказал Крейн. - Пока вы стажёр. Идите в клетку, успокойте стадо, не дайте им разбить друг другу черепа до сортировки. Справитесь - поговорим о настоящей работе.

- А если справлюсь хорошо?

Крейн улыбнулся почти по-человечески, но глаза остались холодными.

- Тогда я решу, что вы не только товар. Но для вас мы на время приглушим ошейник. Поверьте, это хорошая дубинка, Борр, займись.

Если бы Марк сейчас нажал кнопку отмены, его пришлось бы к немалому сожалению Крейна вернуть на Землю. Ему бы всё равно там никто не поверил. Но он не знал.

* * *

В трюм Марка вернули через десять минут. Его не бросили как мешок, а завели, держа под локти. Борр остался снаружи и показал на ошейник.

- Внутри ходишь. Наружу не лезешь. Товар не калечишь. Док сказал посмотреть, не зря ли у тебя язык подвешен.

Створка закрылась. Люди отступили не как от заразного, а как от того, кто вернулся уже не совсем пленником и не совсем охранником. Марк почувствовал это и выпрямился. Аня подошла первой.

- Что они сделали? Ты ушёл человеком, который смотрел волком на похитителей, а вернулся так, будто тебе выдали удостоверение полиция.

Марк поднял подбородок.

- Дали работу. Смешно звучит, да? Мне самому смешно. Только ошейник почему-то не сняли, а лишь притушили. Но обещали в скором времени снять.

- Какую ещё работу?

- Порядок держать. За вами смотреть, пока умные люди решают, кто чего стоит. И прежде чем ты начнёшь читать мораль, подумай: кто-то должен говорить с теми, у кого ключи от нашей клетки.

Аня смотрела на него уже не с удивлением, а почти с жалостью, и это даже задевало.

- Ты серьёзно?

- Абсолютно. Первый раз за весь этот цирк у меня появилась возможность хоть что-то сделать, и я не брошу его только потому, что это грязное дело.

- Марк, ты вернулся в ту же клетку.

- С приглушенным ошейником, - сказал он и ткнул пальцем себе в шею. - Для начала меня устраивает даже такая разница, потом найду способ подняться ещё выше и, возможно, с собой кого-то взять.

Он ударил кулаком по ладони. Ошейник не ответил.

- Там кабинет, - сказал Марк, когда вокруг собрались Аня, Лера, Татьяна, Сашка и ещё несколько человек. - Не камера пыток, если кому легче. Кресло, экран, аппарат для забора ДНК, доктор с лицом человека, которому все вокруг мешают работать, и орк у двери. Они берут образцы, вешают на нас долги и делают вид, будто это не похищение, а платная эвакуация, затем продают в рабство по всей галактике, свои граждане у них, видите ли, в рабы идти не хотят.

- Какая ещё эвакуация? - спросила Лера. - Нас схватили и погрузили в трюм, как мешки с зерном, и ты сейчас серьёзно говоришь "эвакуация"?

- Я говорю, как они это называют, - ответил Марк. - Вывоз с закрытого мира, карантин, питание, охрана, языковая подготовка, первичная адаптация. Все записывают в счёт. Потом этот счёт предъявляют как долговую расписку, надевают ошейник, и ты уже не похищенный человек, а должник.

- Но мы никакой расписки не предоставляли.

- Услуга оказана, деньги не уплачены, не знаю как у них это устроено, я не специалист по праву в Содружестве.

Татьяна поправила рукав халата и спросила спокойно, но так, что люди вокруг притихли:

- Ты видел это сам или доктор тебе это сказал, чтобы ты вернулся и нас успокоил?

- И видел, и слышал, - сказал Марк. - На стенах списки, на экранах номера, на груди у людей таблички. Они сортируют нас на работу.

Аня сидела на полу и смотрела на него снизу вверх, не перебивая, пока он не договорил. Потом она кивнула в сторону переборки.

- Пока тебя водили, нас тоже гоняли партиями на сортировку, - сказала она. - У стены был список. Я не всё поняла, но метки видела: домашние слуги, постельный товар, клубы удовольствий, донорский резерв, трудовые тела, военные оболочки, киберплатформы. Это не один эксперимент, Марк, это рынок, где товар - мы.

- Ты уверена?

- Уверена настолько, насколько можно быть уверенной, когда за стеной спорят, выгоднее ли продать мужика в шагающий танк или пустить на органы.

Лера сказала тише:

- Про девушек они говорили ещё грязнее.

Никто не попросил уточнить - все и так поняли и потупили взгляды.

- Значит, аппарат сам спрашивал согласие? - спросила Аня. - Не доктор, не пират, а именно машина?

- На забор ДНК.

- И ты прочёл, что подписал, или решил, что доктор говорит спокойно, значит можно ему доверять?

- Я прочёл достаточно.

- Нет. Ты услышал слово "работа" и решил, что тебя приняли в команду. Тебе сказали пару ласковых слов и обвели вокруг пальца, Марк. И ты теперь командуешь теми, кто остался за прутьями.

- Я уже в стае. Пока стажёр, но в будущем кто-то повыше. А вы пока товар для них, точнее нас.

- И ты вот так предашь людей?

- Люди людям рознь.

- Я про людей с Земли.

- А я про то, что выживает тот, кто быстрее понимает правила игры. Потом можно спорить, нравятся они тебе или нет.

- Смотри, как бы эти правила не объяснили тебе на твоей же шкуре, - сказала Аня. - Ты думаешь, тебя взяли в дело, а на самом деле просто в доверие втерлись, и вряд ли тебе захочется узнать зачем.

Марк испуганно вскочил и сжал кулак.

- Ещё слово, и...

- И что? - спросила Аня. - Ударить меня, чтобы доказать пиратам, что они правильно тебя выбрали?

Ответа у него не было.

* * *

В трюме сработала главная створка у входа, сегменты втянулись в боковые направляющие, и внутрь втолкнули молодую женщину. Она не упала, удержалась на ногах, но стояла так неловко, будто тело было сильным, а пользоваться им она ещё не умела. На ней были короткие чёрные шорты и тесный мини-топ, скрывающий огромную грудь. Тело было высоким и мощным: широкие бёдра, крепкие плечи, гладкая кожа поверх тяжёлых рельефных мышц, густые рыжие волосы, красивое упрямое лицо с полными губами и ошарашенными глазами.

Женщина скинула голову и хрипло сказала:

- Чего уставились? Это я. Сашка.

Трюм замолчал. Лера первой прикрыла рот ладонями и удивленно уставилась на неё. Таксист Сашка, который ещё недавно спорил про бункер и окна, теперь перед ними. Разумеется в это никто не поверил и многие просто рассмеялись.

- Какая Сашка? - спросил Марк.

- Да таксист Сашка блин, поскользнулся, упал, очнулся - сиськи, - нервно пошутил Сашка.

- Какой ты таксист, на себя посмотри, таксистка! - посмеялся Марк.

- Да они какой-то штукой мне бошку распилили, мозг вытащили и сюда вставили. Как будто в парке новую машину выдали, розовый порш, блин. Я думал там кнопки "отпустить" и нажал "да" везде где сказали, лишь бы выбраться раньше всех и вот - смотрите какой красавец.

- Так, сладкая, ты не шутишь тут? - серьёзным голосом спросил Марк.

- Да я бы за такие шутки им самим бы черепушки вскрыл и лишнее бы там выскреб! - воскликнул Сашка. - Теперь сказали называть себя Рута-112 или просто Рута.

Сашка сидел в теле, явно сделанном для тяжёлой работы, хозяйской постели и рождения детей, которые также с самого детства будут рабами. Он пытался держать плечи по-мужски, но новая грудь под топом, бедра и чужой центр тяжести ломали каждую привычную позу.

Марка это рассмешило так, что он присел на корточки:

- Рута блин. Сашка-Рута. Заказчик то со вкусом.

Сашка резко повернулся к нему:

- Что?

Марк обошел его кругом. Вид другого парня в ловушке дал ему гадкое наслаждение.

- Красиво вышло говорю, - сказал он. - Уже вижу тебя на поле в деревенском сарафане, вечером на сеновале, в кресле-качалке с огромным брюхом и сиськой во рту младенца, хозяин явно доволен будет покупкой.

- Закрой рот, - вспыхнул Сашка

- Или что? Топиком задушишь? Сашка, ты пощупай, что там теперь внизу, не бугорок, а углубление. Старая жизнь закончилась.

Сашка бросился на него. Сила в новом теле была, но привычки не было. Он шагнул слишком широко, бедро повело, плечо ушло раньше стопы. Марк встретил рывок, перехватил руку, развернул и впечатал Сашку спиной в стену не сильно, но достаточно, чтобы все увидели: Марка не останавливает ошейник. Сашка зашипел и попытался ударить коленом, промахнулся, и Марк наклонился ближе.

- Теперь понял, как это работает? - сказал он почти в лицо. - Когда кто-то сильнее, твоё "не хочу" звучит смешно.

- Тогда почему ты в этой клетке с нами и в ошейнике? - выдавил Сашка.

Аня шагнула вперёд и тут же согнулась от предупреждающего разряда.

- Марк! Остановись, придурок!

Марк не остановился. Он хотел показать Сашке, в кого того превратили, хотел показать пиратам, что умеет быть жестким, хотел доказать самому себе, что власть у него теперь есть. Его рука пошла туда, где было то самое углубление на новом теле Сашки, Сашка дёрнулся всем телом, но Марк удержал. В трюме никто не вмешался: не потому, что одобряли, а потому что ошейники уже научили всех смирению.

- Вот видишь, сильный берёт что хочет, - сказал Марк оттягивая шорты Сашки спереди. Он взял Сашку за волосы и с силой наклонил голову, показывая то место на теле, на которое тот боялся даже посмотреть.

В этот момент створка открылась снова. Золотозубый пират хлопнул в ладони.

- О, да тут без нас адаптация пошла. Нет, Марк, товар портить не будем. Тебе ошейник не для того приглушили, чтобы ты мясо мял.

За ним стояли два санитары и Борр. Марк отпустил Сашку медленно. Сашка сполз вдоль стены, обхватил колени руками и дрожал уже не только от стыда, а от ужаса: теперь с ним так может сделать любой, у кого хватит силы. Аня сорвалась с места, подошла к Сашке и обняла его. Марка подозвали. Он вышел из клетки в окружении пиратов успел увидеть Аню. Она смотрела ему в след не с жалостью, а с холодным отвращением. Сашка сидел у стены в своём новом теле, уткнувшись в плечо Ани. Марк хотел сказать что-нибудь напоследок, но ничего не нашёл.

Глава 3. Лира-17

Марк заставил себя идти спокойно, потому что после клетки, где на него смотрели с отвращением или страхом, сам факт отдельного разговора с Крейном казался повышением. Ошейник не бил, санитары не тащили его за руки, только шли рядом, а Борр держался так близко, что Марк спиной чувствовал его дыхание. Марк решил, что это проверка: пираты смотрят, не сорвется ли он, Крейн смотрит, можно ли иметь с ним дело, а значит надо держать лицо и не вести себя как бесправный раб.

- Я справился? - спросил Марк.

Золотозубый хмыкнул.

- Ты чуть товар не попортил.

- Он первый полез.

- Сашка теперь "она", - с удовольствием сказал пират. - По накладной Рута-112. Запоминай, начальник клетки: товар зовут так, как указано в накладной. Ходовая фермерская серия: поле, дом, хозяйская койка, дети-рабы. Док их настраивает и продаёт задорого. А новый хозяин сам решает, что с рабом делать, таких сотни по Содружеству ходит и никто может и не знать об этом.

Марк сжал зубы, но промолчал. Ему хотелось огрызнуться, но он уже решил: если выдержит, поднимется на шаг выше остальных, а если сейчас начнёт изображать героя, снова окажется на полу с горячим ошейником.

Лаборатория Крейна была дальше, чем кабинет диагностики. Туда вели два шлюза, узкий коридор с аварийными поручнями и тяжёлая створка с настоящими механическими замками. Здесь всё выглядело грубее: замки щёлкали железом, датчики проверяли браслеты санитаров, в углу урчал насос охлаждения, а за створкой пахло холодом, горячим пластиком и кровью, которую пытались перебить химией.

Крейн стоял у длинного рабочего стола. На столе лежали инструменты в запаянных коробках, одноразовые контейнеры, прозрачные пакеты с жидкостями и два потёртых пульта. Над столом висел плоский экран. В дальнем углу в вертикальной стеклянной капсуле с прозрачной жидкостью плавало тело человека.

Внутри плавала высокая женщина с белыми волосами и сильным телом. Волосы шевелились в жидкости белым облаком, лицо было тонкое и благородное без кукольной сладости, грудь небольшая и аккуратная, живот плоский, под кожей виднелись сухие канаты мышц, бёдра и ноги выглядели крепкими. Тело казалось предназначенным для богатых и состоятельных людей, так как от него буквально веяло благородством и породистостью.

Марк посмотрел на неё с привычной наглой оценкой.

- Ничего себе тетка, доктор. С такой хоть в рекламу спортзала, хоть кремов для загара. Крепкая. Кто наденет - не пропадёт.

Крейн не обернулся.

- "Наденет", - повторил он. - Схватываете жаргон. Мне нравится, когда земляне быстро вкатываются.

- А как ещё говорить?

Золотозубый у стены присвистнул.

- Док, может, эту рыжему толстосуму на Нергал? Он любит, чтоб работала и не ломалась.

- Не туда, - сказал Крейн. - Эта пока свободная. Лира-17. Тело чистое, дорогое и породистое. Растили для богатого заказчика, но он отказался. Теперь вот висит без дела. Не знаю кому продать, дороговато для рынка, а цену сбивать не хочется.

Марк дёрнул подбородком к капсуле.

- Лира? Красиво назвали.

- Это стандартные названия серий, их несколько десятков, номер - это модификация. Как видишь Лиру не часто берут в отличие от Руты, например, Обычно гражданам содружества нет дела, кто сидит внутри тела, но иногда это позволяет повысить цену изделия.

Марк ухватился за последнюю фразу сразу, потому что она звучала почти как пропуск внутрь команды.

- Значит, работа с товаром продолжается? - спросил он. - Вы же не просто так меня сюда притащили. Хотите посмотреть, могу ли я думать как вы, так дайте задачу.

Крейн повернулся.

- Вы хотите работать?

- Я уже сказал, что хочу, - ответил Марк. - Я не собираюсь сидеть в клетке и ждать, пока меня куда-то продадут. Если тут у вас всё держится на цене и пользе, я буду полезен.

- Хорошо, - сказал Крейн. - Тогда перестаньте смотреть на неё как барный павлин на девицу у стойки и посмотрите как продавец. Не нравится слово "товар" - придумайте другое, но придумайте на какую работу её пристроить, универсал плох одинаково во всем - вот и не берут.

Крейн коснулся пульта. На экране появилась Лира-17 в разрезе: рост, мышцы, кости, нервы, железы, красные точки слабых мест. Марк понял главное: это тело можно было править почти как чертёж машины, если знать, куда нажать.

- Обычный вариант, - сказал Крейн. - Высокая, сильная, для работы или охраны. Дорогая, но не интересная заказчикам. Почему?

Марк пожал плечами.

- Для рынка самостоятельная через край.

Крейн усмехнулся.

- Продолжайте.

- Для работы в поле или охраны хорошо. Для богатого дома тоже, если хозяину нужна служанка, которая мешки таскает и не надрывается. Но если покупатель хочет нечто уникальное - скульптуру работы мастера - тогда силы в ней слишком много. Например, допустим, продаем её в бордель. Такая может врезаться, убежать, стулом приложить, нос сломать. А переселенец, скорее всего, это и захочет сделать, ведь его туда насильно затолкали. Клиенты такое не любят, они платят не за то чтобы им врезали.

Санитар у стены коротко засмеялся.

- Слышал, док? Земной самородок. Грязный, зато глаз есть.

Крейн поднял палец, не глядя на него.

- Не мешай. Продолжайте пожалуйста, я вас внимательно слушаю, под запись.

Марк уже входил во вкус и говорил так, будто действительно обсуждает тело как тушку для продажи, а не живую оболочку для чьего-то мозга.

- Рост ниже, чтобы удержать проще было клиенту, и чтобы все остальные части тела стали меньше - метр шестьдесят с хвостиком хватит. Волосы светлые и крепкие чуть ниже лопаток, не отрывались от башки, чтобы хватать удобней было и не мешали сильно. Плечи, таз и грудную клетку поуже, чтобы миниатюрней была. Мышцы оставить только для красоты, жир убрать везде. Грудь увеличить и сделать плотной и подтянутой, чтобы сразу цепляла взгляд, не висала до колен и мешала убежать и держать равновесие - 4-5 размер к примеру. Талию уже в обхват моих рук, чтобы гибко гнулось туловище во все стороны. Бёдра и попу поменьше и таз поуже - чтобы не мешала при выставлении в нужную позу. Губы полнее, но скулы поменьше, так чтобы всё что надо входило и ничего больше, мышцы челюсти тоже на минимум, а то откусит клиенту что не следует. Голос выше чтоб стонала слаще. Кожу гладкую и светлую, чувствительность поднять на максимум, регенерацию выкрутить на максимум, в том числе восстановление слизистых, костей и всего остального, а то попортят быстро. А промежность поуже, чтобы в обе впадины там едва кончик мизинца пролазил. Сделать тело дорогим, слабым и злым

от беспомощности и чувствительности, не дающей возможности отключаться и заставляющей прочувствовать всё до конца.

Он говорил и чувствовал, как золотозубый и санитар слушают с веселым одобрением. После клетки, где Аня смотрела на него как на грязь, это одобрение грело душу. Крейн смотрел на экран.

- Мерзко, нахально и умно, - сказал он. - Сделать дорогую слабую девочку, которую легко удержать, быстро вылечить и приятно обламывать.

- Я же говорю, полезен.

- Да. Гадко, зато дельно.

- Это комплимент?

- Это признание ваших талантов. Вы - высший мужлан.

- Можно её надеть на того грубого бугая с татуировкой - такой вырваться будет особенно долго и долго не будет мириться со своей участью. Его обламывать красиво будут, заказчик заработает на ней золотые горы.

Крейн зааплодировал и его подхватили остальные санитары. Он ввёл команды в терминале. Машина за стеклом глухо загудела, в жидкости вокруг Лиры пошли тонкие струи, на экране цифры поползли вниз. Защитная штора закрылась, процесс доработки тела был запущен.

- Bravo, коллега, вы превзошли себя и меня. Машина работает, максимум через час готово будет. Эти аграфские технологии творят чудеса, - сказал Крейн.

Он повернулся к Марку.

- Оформим вашу первую сделку.

На столе включился второй экран. По нему прокрутился текст: доля, настройка, согласие, перенос, служебные номера, длинные строки мелким шрифтом. Марк видел слишком много букв и ни одной причины тратить время на чтение, особенно когда Крейн вывел сбоку крупные цифры будущей доли.

- Я хочу 10% с суммы прибыли и это не обсуждается, - заявил Марк.

- Хорошо, как скажешь, Марк. Ты же нас спас по сути от залежалого товара. Не представляешь, сколько ресурсов уходит на выращивание тела. Искин уже сформировал проект типового договора на 80 страницах, он перед вами.

Марк взглянул на экран, исписанный мелкими буквами с цифрой один в самом низу.

- Что я подписываю? - деловым тоном спросил Марк устало потирая глаза.

- Что помогали настраивать тело, - сказал Крейн. - Искин любит бумажки. Без вашего согласия он будет пищать, что вы тут никто и откажется делиться прибылью.

- Это договор о сотрудничестве?

Крейн чуть склонил голову.

- Назовите так, если вам от этого легче.

Марк нажал на большую синюю кнопку "Перейти в конец".

Экран быстро промотался вниз, на нём появилось две кнопки: зелёная "Принять" и серая "Отклонить".

- Первая доля символическая, - сказал Крейн. - Не стройте недовольное лицо, вы пока никто, только стажёр с грязными мыслями и длинным языком. Справитесь - будет больше.

- И ошейник? - спросил Марк. - Вы же понимаете, что человек с рабским ошейником не член команды, а такой же раб.

Доктор кивнул и орк снял с Марка рабский ошейник. Для Марка это было сигналом - его исключили из числа рабов. Он немедленно нажал "Принять".

На экране появилось окно повторного подтверждения и тикающий таймер на 20 секунд.

- Видите тонкую талию? - сказал Крейн, тыкая ему в лицо планшетом со схемой тела Лиры. - Если оставить так, спина посыпется, дыхание собьётся, и покупатель будет орать, что ему подсунили большую модель, а мы уже выпущенное тело исправить не сможем. Нужно чуть усилить связки, тазовое дно, боковые мышцы пресса и широчайшую мышцу спины, в грудь добавить соединительной ткани и немного мышц, кости и суставы тоже укрепить, иначе поломают и заказчику придётся чинить за свой счёт - товар станет дорог в обслуживании и пострадает наша репутация... Ой, нажимайте на "принять" быстро или машина сейчас отменит сделку. Новую я могу и передумать подписывать с таким растяпой.

- Да нажму я.

Марк в спешке нажал "Принять" второй раз. Аппарат тихо пискнул.

Крейн улыбнулся не широко и не зло, а почти устало, как человек, который заранее знал, чем всё кончится.

- Вот теперь всё как надо.

- Что?

Золотозубый захохотал первым. Борр у двери скрипнул клыками.

- Док, да он правда не понял.

Крейн принял лицо лектора, объясняющего очевидные вещи:

- Как я и говорил вам, в Содружестве важнее всего ДНК, на него всё завязано. Если я украду гражданина и захочу пересадить его мозг в Лиру-17, то медкапсула по пересадке органов, которой мы пользуемся, просто откажет это делать. Для этого нужно согласие того, чей мозг перемещается. Оборудование мы это взломать не можем, и никто не может. Технологии производства есть только у Аграфов и раскрывать свои секреты они не спешат. На 80 страницах, что вы подписали, как раз и был такой договор согласия. Описана точная модель новой Лиры-17 с набором модификаций и лицензионный договор, ваш профиль ДНК и то, что вы согласны на перенос. Медкапсула договор уже приняла и согласилась на операцию.

- А в вашем кабинете в прошлый раз я что подписывал?

- Вы предоставили ДНК для настройки Лиры-17 - чтобы не было отторжения мозга телом.

Крейн развернул экран к Марку. Поверх новой схемы Лиры-17 горела строка: "Вы согласились на перенос мозга в выбранное тело. ДНК синхронизировано с телом Лиры-17". Марк прочёл. Слова сложились не сразу, потом дошли до него полностью.

- Нет, - сказал он. - Я не согласен. Где мне подписать отказ? Я согласен если что на 9% прибыли. - милостиво заявил Марк. Но голос прозвучал сухо.

- Я думаю, что я возьму 100%. А с вами, как вы недавно сказали, это тело будет сопротивляться ещё дольше и заказчик заработает золотые горы.

- Ты сказал контракт за участие в настройке. Я подписал. Если твоя тупая железяка не слышит, что я говорю, то я не собираюсь с такой дальше работать.

- Вы участвовали, очень активно, я бы даже сказал, творчески. Но железяка не тупая, она просто слишком умная.

Марк шагнул к нему.

- Ты меня дважды кинул. Я дал согласие работать на вас. У нас партнёрский договор.

- Ты будешь работать, но не на меня, а на покупателя по долговому рабскому договору, обрабатывать эвакуацию и предоставление нового тела - между прочим очень дорогого тела, с уникальным набором модификаций, - издевательски протянул Крейн. - Вы, земляне, никогда не читаете мелкий шрифт и вообще договоры. В Содружестве граждане каждую строчку под лупой разглядывают, потому что знают цену ДНК-подписи. Даже если бы нам дали похитить гражданина Содружества, он бы нас этими строчками до кости ободрал. А вы жмёте "да, согласен" легко и бодро, даже если это согласие на вашу собственную казнь.

Марк почувствовал, как лаборатория стала теснее. Самым горьким было то, что он действительно нажал сам. Его отвлекали, давили, торопили, но палец был его.

- Дайте мужское тело, - сказал он. - Любое. Старое, больное, с долгами, кривое, какое угодно. Я буду полезен. Я знаю Землю, людей, камеры, бары, дороги. Я могу выбирать цели, могу говорить с ними так, чтобы они сами открывали дверь, приводить в безлюдные места мужчин, женщин, детей, стариков.

Он замолчал, потому что услышал себя. Он уже напрямую торговался другими людьми за право остаться собой, и только сейчас понял, как это прозвучало. Крейн это заметил.

- Вот за это вас и любят такие, как Борр. Честная мерзость. Всем, что вы назвали, у нас есть кому заниматься. Вы не самый хитрый предатель.

- Я не согласен.

- Поздно.

- Я не отдаю тело.

- Вы уже подписали, что отдаете и не потребуете обратно. В договоре пункт...а не важно какой.

- Это обман.

Крейн вздохнул.

- Марк, вас уже обманули. Когда вы сами кого-то обманывали, вас мучила совесть? Вы бы остановились, если бы вас раскрыли? Цинизм - это весело, можно рассказать друзьям какой вы победитель по жизни, пока его не попробуют на вашей шкуре. Мы можем найти другого переселенца в Лиру-17, но зачем, если у нас уже есть вы?

Марк ударил. Он вложил в удар всё, что оставалось от нынешнего тела: барные драки, спортзал, тяжёлые двери, руль в руках, уверенность, что кулак иногда решает быстрее слов. Крейн ушёл в сторону лениво и экономно, кулак прошёл мимо, а Борр сзади ударил Марка плечом в рёбра. Марк не упал, развернулся, схватил со стола металлический футляр и ударил им первого санитара по голове. Санитар охнул и врезался спиной в стойку, контейнеры посыпались на пол.

- Вот это уже похоже на работу пирата, - сказал золотозубый. - Давно я тут скучаю.

Марк рванул к двери. Четыре метра, три, два. Плана не было, он видел путь наружу и надеялся хотя бы убежать. Борр бросился наперерез, Марк нырнул под руку и ударил локтем в живот. Орк только выдохнул, но не согнулся.

Крейн достал из ящика короткий парализатор.

- Живым, - сказал он Борру. - Череп не бить. Он нам ещё нужен.

Марк успел схватиться за край дверного проёма, когда разряд ударил в спину. Боли почти не было, мышцы просто перестали работать. Руки разжались, ноги подломились, он рухнул на пол и увидел открытую дверь совсем рядом. Один шаг. Полшага. Целая жизнь, к которой он успевал бы выбежать.

* * *

Когда зрение восстановилось, его уже укладывали в аппарат для пересадки органов, парную медкапсулу с двумя плитами. Под закрытой крышкой манипуляторы робота-хирурга могли с лёгкостью резать любые ткани и изымать органы. Другие манипуляторы занимались спайкой сосудов, нервных окончаний, лимфотока и восстановлением других жизненно важных систем. Рядом, на второй плите, лежала Ли́ра-17. Уже не высокая крепкая женщина из первой капсулы, а маленькая, худая, беловолосая, хрупкая версия, собранная из его же мерзких предложений.

Марк понял это и задергался так, что фиксаторы лязгнули.

- Нет! Это не для меня, не моя жизнь и не моё будущее!

- Для вас, - сказал Крейн. - И вашими руками сделано. Злая шутка, согласен.

- Я тебя убью!

- Ты же сам настраивал Лиру-17. Она даже в горло мне вцепиться не сможет.

Санитар дёрнул ремень на плече.

- Дергайся меньше, партнёр. Нам от тебя только мозг нужен, всё остальное потом сразу в расход.

Марк попытался ударить головой, но ремень под подбородком удержал его. Крейн подошёл ближе.

- Не тратьте силы. Сейчас они понадобятся, чтобы попрощаться. Мы же всё-таки не звери.

- С кем?

Крейн кивнул на зеркальную панель. Она была закреплена на потолке и Марк увидел себя целиком. Широкие плечи. Грудь с тёмными волосами. Руки, которыми он мог поднять свой вес, перехватить руку противника, ударить, оттолкнуть. Шрам на подбородке от детского падения с велосипеда. Неровная костяшка на правой руке после драки у клуба. Колено, которое ныло перед дождём. Живот, который он ругал за лишние килограммы. Голос, который ещё звучал в грудной клетке. Всё его обычное мужское тело, за которое он никогда не благодарил жизнь, потому что считал его просто фактом.

Он понял, сколько оно значило, только когда его начали отнимать.

- Освободите руку, - сказал Марк.

Крейн поднял бровь.

- Зачем?

- Потрогать. Попрощаться.

Золотозубый прыснул.

- Док, запись включи. Хороший товарный плач.

Крейн подумал несколько секунд.

- Правая рука. Без героизма.

Фиксатор раскрылся. Марк коснулся себя: подбородка, щетины, скулы, губ с кровью, носа, который когда-то хотел исправить и не исправил. Потом шеи, где бился пульс, груди, рёбер, волос под пальцами, знакомой плотности мышц. Он провёл ладонью по животу, боку, бедру, насколько позволял ремень, и старался запомнить все: кожу, кость, мышцы, волосы под пальцами, знакомую тяжесть мужского тела, которое до этой минуты казалось ему обычной данностью.

- Это моё, - сказал он.

- Ну да, ну да, - ответил Крейн.

Марк поднял глаза.

- Если там, - он дёрнул подбородком к Лире-17, - я останусь собой, я найду тебя. Если не останусь, значит, ты меня убил. В обоих случаях ты не жилец.

- Если не останешься, то как же ты меня достанешь? - Крейн поймал его на противоречии.

- Потому что то, что ты делаешь, тоже не жизнь. Ты винтик в грязной машине, только добровольный. Я буду рабом по принуждению, а ты уже раб по натуре и ещё гордишься этим.

- Интересная теория от человека, который пять минут назад торговал своим родом, - бросил Крейн, но взгляд у него на секунду стал мрачнее. Он вспомнил не пиратский трюм, а старую кафедру, первую лабораторию, мечты о признании и то, как далеко он от них оказался. Потом он сжал зубы и притянул фиксатор обратно.

- Запиши ещё, - сказал Марк. - Я не согласен. Я не отдаю тело. Я не отдаю имя. Я не становлюсь вашей девочкой, вашим товаром, вашей коробкой для мозга, вашим номером. Вы получили согласие обманом. Первый раз взяли ДНК, второй раз подсунули договор на перенос.

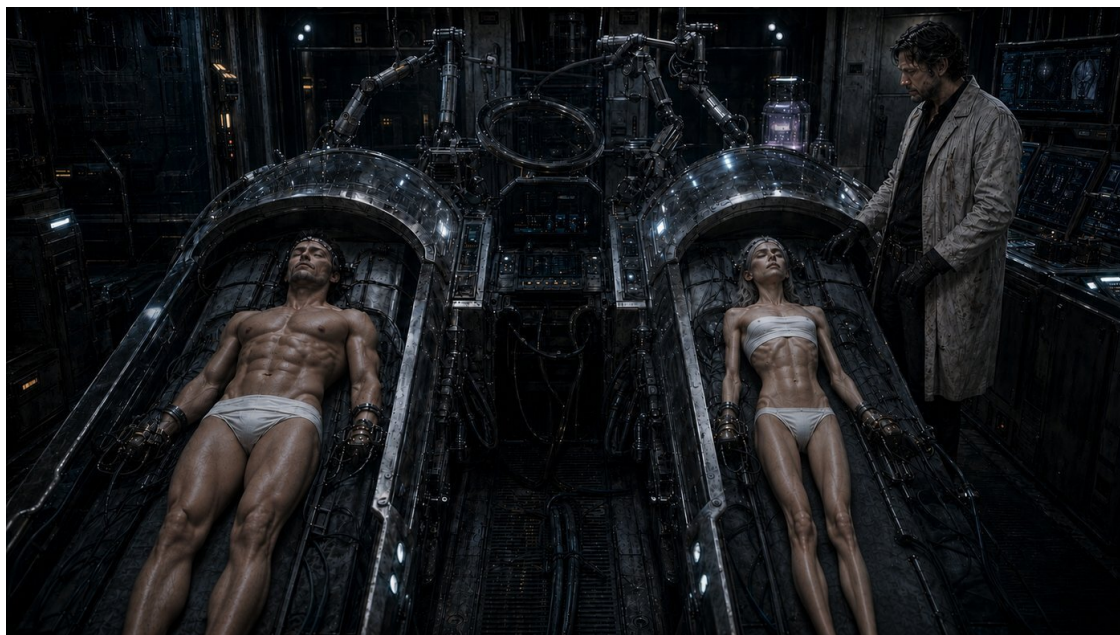
Последние слова заглохли внутри прозрачного кожуха крышки камеры, отделившей операционную зону. Крейн уже не отвечал. Он смотрел в панели и отдавал команды. Операция началась не с ножа, а с холода. Холод пошёл по венам ровно и деловито, как команда телу: замедлиться, подчиниться, стать удобным для машины. Звуки начали уходить. Сначала шаги, потом ругань золотозубого, потом гул насосов. Сердце стало тяжёлым ударом внутри: раз, пауза, раз. Марка выключали.

Крейн говорил рядом уже без насмешки, коротко и по делу:

- Охладить до восьми градусов. Давление держится. Робот к черепу. Сосуды перекрыть. Нервы резать по карте. Приготовить второе тело.

Марк понял, что его не просто "переселяют" и не "превращают". Его охлаждают, вскрывают, вынимают мозг, кладут в новую коробку и сращивают. Марк смотрел в зеркало до последнего. Глаза в отражении стали мокрыми и беспомощными, и он ненавидел это выражение, потому что раньше видел его на лицах других и считал слабостью. Теперь оно было на его лице.

Темнота пришла не сразу. Где-то далеко робот называл числа, Крейн отвечал командами. Вспыхнула боль, но такая далекая, что Марк не понял, его ли она. Последним исчезло ощущение веса. Он в последний раз смотрел на мир своими глазами. Марк держался только за имя - последнее что у него осталось.

* * *

Когда сознание мелькнуло снова, первое, что он услышал, был голос Крейна:
- Мозг держится. Тело отвечает. Калибровка синапсов завершена.

Марк открыл глаза и не понял, где верх. Капсула была раскрыта, жидкость стекала с кожи холодными ручьями, воздух резал легкие. Тело под ним было легким до ужаса, коротким и от холода покрывалось мурашками. Он попытался вдохнуть по-старому, закашлялся тонким сорванным звуком и сразу понял, что звук не его.

- Не вставать, - сказал санитар.

Марк попытался вскочить. Новые ноги согнулись не там, где он ждал, колени дрогнули, стопы скользнули по мокрому полу, и он вывалился из капсулы, цепляясь руками за край. Боль ударила резко. Он зашипел, но услышал высокий чужой голос. Потом увидел соседнюю плиту, на которой лежало его старое тело, пустое тело.

Лицо было закрыто прозрачной плёнкой, но черты читались ясно: подбородок, нос, губы, щетина, синяк у плеча после попытки побега. Руки лежали вдоль боков, грудь с тёмными волосами больше не поднималась, место операции было закрыто аккуратной белой повязкой.

Марк пополз к нему. Ноги не слушались, бедра путали движение, грудь нового тела мешала наклоняться, тянула вперёд тяжким грузом. Он двигался на руках и коленях, поскользываясь, уже рыдая вслух и не сразу понимая, что плачет.

Золотозубый заржал.

- Смотрите, девочка к покойнику ползет. Док, это точно в архив.

- Разумеется, - сказал Крейн.

Марк добрался до плиты и вцепился маленькими светлыми пальчиками в край. Он потянулся к старому лицу.

- Не лапай, там чистая зона, - сказал санитар.

Крейн поднял руку.

- Пусть.

Марк коснулся плёнки над щекой. Не кожи, даже этого ему не оставили, но под плёнкой угадывалась форма лица, которое было его лицом тридцать один год. Он провёл ладонью по подбородку, где должна была царапать щетина, по шее, плечу, груди, руке, которой он бил, работал, держал руль, гладил Настю, открывал двери и считал себя её вечным хозяином.

- Моё! - выкрикнул он.

Это прозвучало голосом Лиры, тонко и жалко. Марк ударил лбом о край плиты.

- Моё! Слышите? Это моё!

Борр хмыкнул.

- Поздно спохватилась.

Марк повернулся к нему так резко, что потерял равновесие и повис на плите.

- Я вас всех найду. Тебя, Крейна, золотозубого, всех, кто смеялся. Я вырежу ваши имена у себя в памяти, чтобы не забыть, даже если вы мне мозг ещё раз перевернёте.

Крейн смотрел спокойно и довольно.

- Злитесь и угрожает, как и в исходном теле, значит себя помнит.

- Подавись своими записями!

Марк снова прижался к старому телу, уже не угрожая, а пытаясь запомнить последнюю форму через плёнку: плечо, рёбра, живот, бедро, волосы на груди, тяжёлую мужскую плотность, которую он никогда не ценил и уже не мог вернуть.

Плита под старым телом мягко поехала к чёрной прямоугольной пасти в стене.

- Нет!

Он вцепился в край, но санитар оторвал его пальцы все разом и без труда, и Марк понял, что в новом теле почти нет силы. Ярость осталась прежней, а руки уже не держали даже край плиты. Он бил ногами, рычал, пытался кусаться, но его удерживали без усилий.

Плита вошла в печь. Плёнка на старом лице поймала свет на одну секунду. Марк увидел себя в последний раз. Створка закрылась. Гул начался низко и ровно. Без музыки, без церемонии, без права на могилу. Просто печь сжигала улику. Марк кричал, пока голос не сорвался.

Крейн сказал:

- Сгорело.

У Марка отняли даже труп. Не осталось могилы, улики, обратной дороги и того последнего глупого плана, за который он ещё цеплялся. Сознание снова сорвалось вниз, но имя на этот раз удержалось. Он повторял его про себя снова и снова, чтобы не дать Лире-17 стать единственным словом, которое у него осталось.

Марк. Просто Марк.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.